

УДК 800.83

Е. Н. Ермакова

ДЕРИВАЦИИ КАК ПРОЦЕСС ФРАЗООБРАЗОВАНИЯ И ЕЕ СЛЕДСТВИЯ

Фразообразование по сравнению со словообразованием является гораздо менее продуктивным и менее регулярным способом образования новых номинативных единиц. Этим, видимо, и объясняется известное отставание фразеологической дериватологии от науки о словообразовании. Вместе с тем значение этой отрасли знаний очевидно: исследование производных фразеологизмов позволит уяснить сущность семантических и грамматических преобразований фразообразующих компонентов, их значимость.

Средства образования новых единиц являются универсальными для всякого языка. Образование вторичных номинативных единиц на базе имеющихся в языке на лексическом материале исследовано достаточно широко и не вызывает особых споров. Принято считать, что исходные единицы и образованные от них дериваты находятся в отношениях производности, так как производящая — более простая по форме и смыслу, чем однокоренная производная; производная — более сложная по форме и по смыслу, чем однокоренная производящая.

Наблюдения деривации во фразеологизмах приводят к мысли о том, что во фразеологии возможны в принципе такие же процессы, как и в лексике, хотя тождества нет ни в способах образования, ни в результатах. Фразеологические единицы также вступают в отношения производности. Исходные, производящие фразеологические единицы становятся базой для образования вторичных производных фразеологизмов.

Деривация как способ фразообразования в современной лингвистике понимается по-разному. В узком смысле деривация трактуется как выводимость одного из другого с опорой на формальное средство, а в широком смысле — без опоры на формант. Такое двойственное понимание приводит к существенным разногласиям в современной лингвистической литературе. Попробуем ответить на вопрос, что же вкладывается в понятие «деривация», когда речь идет о фразеологии и о фразеологических единицах.

К процессам деривации относят «результаты эллиптирования исходной формы ФЕ, что приводит к сокращению первоначального компонентного состава ФЕ или к его сжатию»: *проливать крокодиловы слезы — проливать слезы*. Деривацией называют и обратный сжатию процесс, когда наблюдается развертывание фразеологической единицы в структурно более сложное образование типа *грош цена — грош цена в базарный день* [2, с. 54].

Вероятно, можно было бы разделить эту точку зрения, так как на самом деле в результате эллипсиса исходной формы (импликации, сжатия, сокращения числа компонентов, отпочкования, по терминологии других авторов) и в результате развертывания (экспликации, увеличения числа компонентов) появляется единица, образованная на базе фразеологизма, уже имеющегося в языке. Но согласиться с этим в полной мере не позволяет отраженное в лингвистических справочниках теоретическое положение о том, что деривация — это «процесс преобразования языковой единицы с помощью существующего в языке средства (оператора деривации)» [5, с. 110]. В этом случае правомернее говорить о трех способах фразообразования: импликации, экспликации и деривации.

С другой стороны, в научной литературе есть и высказывания о внутрифразеологических деривационных процессах, осуществляемых в виде словообразовательной активности некоторых компонентов при сохранении их исходного образа. Считается, что этим достигается более дифференцированное выражение семантико-стилистических возможностей ФЕ в связи с контекстуальными условиями ее использования [2, с.

52]. К способам «словообразовательной активности» автор этой точки зрения относит деривационную трансформацию в «двухфраземные гнезда глагольных компонентов ФЕ посредством приставки» и приводит примеры: *валить в кучу* — *с-валивать в кучу*, *валить с больной головы на здоровую* — *с-валивать с больной головы на здоровую*; *в-гонять в гроб* — *во-гнать в гроб*. На наш взгляд, такие коррелятивные образования имеют следующее проявление: в парах типа *вгонять в гроб* — *вогнать в гроб* не появляется новой единицы, приставка указывает только на то, что в одном случае действие мыслится как дотягивающееся, в другом — как достигшее предела: *вгонять в гроб* — «доводить до смерти», *вогнать в гроб* — «довести до смерти», следовательно, нет оснований утверждать, что подобные образования вступают в деривационные отношения.

К дериватам в ряде работ относятся образования с суффиксом — *к-*: *дойная коро-ва* — *дойная коров-к-а*, как *об стену горох* — как *об стен-к-у горох* и образования с суффиксами уменьшительности, ласкательности: *зablудшая овца* — *зablудшая ов-чик-а*, *горя мало* — *гор-юшк-а мало*, *зablубенная голова* — *зablубенная голов-ушк-а* и др. Если бы разговор шел об отдельных лексемах, в которых происходят такие суффиксальные преобразования, мы, конечно, говорили бы о разных словах: о производящем и о производном слове, о деривате. Но во фразеологизме все гораздо сложнее: в деривационные отношения вступают не отдельные компоненты, а весь фразеологизм в целом, морфемные варианты (именно так квалифицируют это явление во фразеологии), не приводят к изменению фразеологического значения: *зablудшая овца* и *зablудшая овечка* — говорят о человеке, оторвавшемся от своего круга, общества семьи и т.п., сбившемся с правильного пути; *зablубенная голова* и *зablубенная головушка* — называют бесшабашного, разгульного человека. Значит, и в этом случае нельзя говорить о деривационных отношениях между фразеологизмами, так как такие пары не различаются ни категориальной, ни индивидуальной семантикой.

К процессам фразообразования относят и замену во фразеологизме невозвратного глагола на возвратный. С этим можно согласиться, если разграничить фразообразовательные возможности постфикса -ся. Фразообразующим постфикс выступает только в том случае, если в соотносительной паре производящий фразеологизм — производный фразеологизм глагольный компонент реализует разные значения: в одном случае невозвратный глагол обозначает воздействие на объект, в другом — действие замыкается в самом субъекте: *лишить жизни* (кого) — «убить» — *лишиться жизни* (кому) — «умереть»; *выбить из колеи* (кого) — «нарушить привычный образ жизни» — *выбиться из колеи* (кому) — «нарушить свой привычный свой привычный образ жизни». Если объект остается неизменным — обе соотносящиеся единицы имеют один объект действия, одно и то же значение. В таком случае постфикс — *ся* выступает только как усилительный элемент, о фразообразовании в этом случае говорить не приходится.

Ю.А. Гвоздарев утверждает, что «образования типа *изобретать велосипед* — *изобретение велосипеда*, *менять декорации* — *смена декораций* относятся к синтаксическим вариациям. Изменение в этих формах охватывает только область синтаксических отношений между составляющими компонентами»[4, с. 74]. На наш взгляд, в таких соотносительных парах происходят более сложные изменения. В производных предметных фразеологических единицах происходят и семантические, и грамматические изменения.

В работе А.М. Бушуя есть замечания о том, что в состав фразеологического гнезда, развивающегося на базе глагольного компонента ФЕ, входит однокоренное имя существительное: *менять декорации* — *пере-менить декорации* — *перемена декораций*.. На наш взгляд, именно фразеологизмы типа *переменить декорации* — *перемена декораций* и есть та соотносительная по образованию пара, которая вступает в деривационные отношения. Заметим, что автор совершенно справедливо говорит о

том, что «возникновение подобного субстантивного отглагольного деривата носит в современном русском языке довольно устойчивый характер» [2, с. 56]. Мы придерживаемся этой же точки зрения и считаем, что, несмотря на то что при деривации происходят структурные преобразования только в одном из компонентов, это приводит к изменению фразеологического значения во всем фразеологизме в целом.

Спорным, на наш взгляд, является отнесение к фразеологической деривации способа фразеобразования «в пределах фразеологических гнезд, образующихся при участии продуктивных глаголов действия: *держат в курсе — в курсе, держат камень за пазухой — камень за пазухой, держат на привязи — на привязи, держат нос по ветру — нос по ветру* и др. под [1, с. 10]. Несомненно, в таких примерах появляется новая единица, но такие пары фразеологизмов не вступают в деривационные отношения, так как у них нет тождественного логического понятия.

Н.М. Шанский высказывает специфический взгляд на фразеологическую деривацию, полагая, что «деривация фразеологизмов», аналогичная морфологическому словопроизводству, предельно лимитирована и унифицирована. В ее пределах нет ничего подобного аффиксации, а также безаффиксации» [7, с. 309]. Ученый объясняет различие в словообразовании и «оборотообразовании» вербальностью лексических единиц и сверхсловностью фразеологических единиц. Но анализ материала показывает, что раздельнооформленность фразеологизма ни в коей мере не мешает фразеологизму стать дериватом. В работах Е.А. Иванниковой, А.В. Жукова, Ю.Я. Бурмистровича содержатся аналогичные предположения.

Подтверждение этого положения мы находим и в работе Л.Н. Колесниковой и Р.Н. Попова, в которой отмечается, что некоторые фразеологи не различают варианты фразеологизмов и «весьма распространенные во фразеологической системе русского языка явления деривационного характера: *бить баклуши — битые баклуши, явиться с повинной — явка с повинной*» [4, с. 9]. Авторы утверждают, что фразеологические единицы именного типа с отвлеченными отглагольными существительными образовались на почве глагольных фразеологических единиц и воспринимаются не как варианты, а как производные новые фразеологические единицы уже не с процессуальным, а с предметным значением.

Проявление межкатегориальной переходности называют морфологической деривацией (В.П. Жуков), деривационно-системным, «вторичным фразеобразованием (В.Н. Телия), субстантивными фразеологизмами (Ю.Я. Бурмистрович), трансформами соответствующих глагольно-субстантивных фразеологических сочетаний (З.Е. Смерчко), вторичной фразеологической деривацией (Ю.Ю. Авалиани, А.М. Эмирова), отфразеологическим устойчивым словесным комплексом, отфразеологическим производным образованием, субстантивным отглагольным дериватом (А.М. Бушуй), синтаксическими вариациями (Ю.А. Гвоздарев).

Анализируя процессы, которые происходят в соотносительных фразеологизмах, мы будем опираться на более узкое понимание деривации Единицы, полученные в результате деривации, — «производные фразеологические обороты, отличающиеся от исходного фразеологизма наличием у одного из компонентов словообразовательного аффикса» [6, с. 230].

Под деривационным значением мы понимаем обобщенное фразеологическое значение вторичных единиц, принадлежащих к одному классу, передаваемое их общим категориальным значением; деривационные отношения рассматриваются как отношения производности между исходной и вторичной фразеологическими единицами, при которых первая — производящая, вторая — производная. Функционирование в языке деривационно связанных фразеологических единиц, имеющих тождественное логическое понятие и отличающихся категориальной и субкатегориальной семантикой, мы называем соотносительными по образованию парами фразеологизмов.

Таким образом, один фразеологизм из соотносительной пары по образованию является деривационной базой, производящей единицей для другого фразеологизма, производного. Значение производного фразеологизма может быть истолковано только через значение производящего фразеологизма.

Во фразеологии любое из деривационных средств (аффикс) добавляется к основе главного компонента. Но компонент фразеологизма не является самостоятельным, он только часть фразеологизма, поэтому специфика деривационных отношений проявляется в том, что в такие отношения вступают не отдельные компоненты, а весь фразеологизм в целом как единое языковое образование. Структура и компонентный состав соотносительных фразеологизмов остаются тождественными. Грамматически главный компонент производящего фразеологизма, преобразуясь в производном фразеологизме, сохраняет свою позицию и остается, в основном, грамматически главным компонентом нового, производного фразеологизма. Другие компоненты во фразеологизме остаются без изменений (изменениям может подвергаться имя в том случае, если этого требует управление глагола). Соотносительные фразеологизмы, вступающие в деривационные отношения, имеют различные грамматические свойства. Эти проявления говорят о разном категориальном и разном индивидуальном значениях. Самыми продуктивными, по данным нашей картотеки, являются деривационные отношения между процессуальными и предметными фразеологизмами типа *затягивать пояс* — 'испытывать недостаток в пище' — *затягивание пояса* — 'недостаток в пище'; *шараться из одной крайности в другую* — 'попеременно принимать крайне противоположные решения' — *шаранье из одной крайности в другую* — 'попеременное принятие крайне противоположных решений' и др., в которых грамматически главный компонент — глагол с помощью аффиксального средства меняет свою частеречную принадлежность в производном фразеологизме. Оставаясь грамматически главным в производном фразеологизме, этот компонент выступает как субстантив.

В деривационные отношения могут вступать три и более фразеологизма. Такое объединение фразеологических единиц, связанных деривационными отношениями, мы называем деривационным гнездом: *день и ночь* — *днемать и ночевать* — *денный и ночной* — *денно и ночью, волей или неволей* — *вольный или невольный* — *вольно или невольно, расширяется круг* — *расширение круга* — *широта круга* — *широкий круг*.

Фразеобразование в современном русском языке — динамичный процесс, благодаря чему фразеологический состав находится в состоянии постоянного внутреннего саморазвития и самодвижения. Производные фразеологизмы обогащают семантические категории предмета, процесса, качества, а значит, увеличивается номинативный строй языка.

Литература

1. Авалиани Ю.Ю., Эмирова А.М. О вторичной фразеологической деривации. К вопросу о развитии фразеологической системы русского языка // Проблемы русской фразеологии. — Тула, 1975. — С.7-13.
2. Бушуй А.М. К изучению деривационных процессов во фразеологии (на материале русского языка) // Проблемы фразеологии. — Тула, 1980.
3. Гвоздарев Ю.А. Основы русского фразеобразования. — Ростов н/Дону, 1974. — 184 с.
4. Колесникова Л.Н., Попов Р.Н. К вопросу о вариантности фразеологических единиц // Проблемы фразеологии. — Тула, 1980. — С. 3-13.
5. Русский язык. Энциклопедия / Главный редактор Ю.Н.Караулов. — 2-е изд. — М., 1998.
6. Тихонов А.Н. О грамматических формах, вариантах и дериватах фразеологических оборотов // Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе. — Вологда, 1967. — С.220-231.

7. Шанский Н.М. Деривация слов и фразеологических оборотов (К вопросу о сходстве и различии процессов словообразования и оборотообразования) // Русское и славянское языкознание. — М., 1972. — С. 300-308.

Статья поступила в редакцию 24.02.2006 г.

□

УДК 81'367.4: 81'373.611

В. И. Теркулов

К ПРОБЛЕМЕ ВЕРБАЛЬНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СЛОВСОЧЕТАНИЙ: КОМПОЗИТОПОСТРОЕНИЕ И СМЕЖНЫЕ ЯВЛЕНИЯ

Процессы образования сложных слов (композигов) получили достаточно разнообразную интерпретацию в истории языкознания. Нужно сказать, однако, что трактовки этого явления слишком уж разнообразны и разноплановы. И причина в том, что закономерности словосложения по сравнению с закономерностями традиционной деривации «носят менее системный характер, в большей степени связаны со значением входящих в сложное слово основ с большим удельным весом логических и ассоциативных связей между компонентами сложного слова, с одной стороны, и всем словом и называемым им предметом, с другой стороны» [3, с. 62]. Целью нашей работы является определение механизмов образования композигов (композигопостроения) и смежных процессов в русском языке.

Традиционно модели образования композигов распределяют между морфологическим и лексико-синтаксическим способами. К морфологическому относят аффиксальные и безаффиксные словосложения типа *мясорубка* (<рубить мясо), *сталевар* (<варить сталь), а также аббревиацию, например *ЦСКА* (<Центральный спортивный клуб армии). В свою очередь, «под лексико-синтаксическим способом подразумевается возникновение новых слов в результате сращения в одно слово двух или более соположных лексических единиц в процессе их употребления в языке» [10, с. 267], например *вышеуказанный* (<выше указанный), *сегодня* (<сего дня).

Разграничение морфологических дериватов и сращений предполагает некую субъективность трактовок, что зачастую приводит к неразберихе. Например, В.Н. Немченко относит *высокохудожественный* и *тяжелобольной* к чистому сложению [6, с. 134], а *вышеуказанный* и *долгоиграющий* — к суффиксально-сложному словопроизводству, поскольку, по его мнению, в последнем случае «причастные суффиксы в составе анализируемых прилагательных квалифицируются не как формообразовательные, а как словообразовательные морфемы» [6, с. 135]. Однако как в первом, так и во втором случае перед нами не что иное, как простая словесная интерпретация словосочетаний. При этом изменение трактовки статуса суффиксов во втором случае, на наш взгляд, не играет никакой роли, поскольку эти суффиксы никакого отношения к процессу словопроизводства не имеют — словосочетание попросту стало без их участия, но не без влияния написания восприниматься как «моноксема».

Другая проблема состоит в том, что предложенная классификация построена на чисто формальном принципе: если есть какое-то изменение в морфемной структуре, перед нами морфологический способ, нет — лексико-синтаксический. Речь идет даже не об аббревиатурах, которые уже Н.М. Шанский в конечном итоге решил относить к сложениям [10, с. 269]. Мы имеем в виду некоторые образования, которые имеют в качестве эквивалента семантически тождественное словосочетание, но не отличаются изоморфной ему структурой, например *водоснабжающий* (<снабжающий водой), *вольнотрушатель* (<вольный слушатель) и др. Их близость